

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Китайская кукла



Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление *Анастасии Орловой*

Александрова, Наталья.

А46 Китайская кукла : [роман] / Наталья
Александрова. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-083445-7

Давным-давно в одной из провинций Под-
небесной Империи жил старый отшельник. Он
владел тайнами магии и умел исцелять тысячи бо-
лезней. Шесть прекрасных девушек, его учениц,
помогали ему в этом занятии. Но однажды старец
утратил благородство и мудрость, и разгневанные
боги превратили отшельника и его сподвижниц в
красивых кукол с фарфоровыми лицами.

На протяжении двух тысяч лет проклятые
куклы приносили своим владельцам несчастья
и даже смерть, и вот одна из них случайным об-
разом попала в руки обычной питерской домо-
хозяйке Надежде Лебедевой. Будучи по природе
любопытной и обладая известной долей сме-
лости и авантюризма, Надежда с головой окуну-
лась в разгадку страшной тайны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-083445-7 © Александрова Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

«Пройду через двор, — подумала Надежда, — выйду прямо на проспект, там на маршрутку сяду, так будет быстрее. И так сколько уже времени потеряла...»

И тут же одернула себя: не стоит давать волю раздражению и проявлять недовольство даже в мыслях. Потому что речь идет о ее родной тетке. Которая у нее, кстати, единственная и неповторимая. Тетка душой по-прежнему молода, правда, из дому выходить может с трудом. Но ужасно упряма.

Вот и на этот раз: разбилось стекло в очках. Казалось бы, идешь в ближайшую оптику и заказываешь новые. Надежда согласилась тетку даже сопроводить. Но не тут-то было. Тетке втемяшилось в голову, что незачем тратить деньги на новую оправу, а нужно только вставить стекло. Ну и чуть-чуть подправить дужки.

В ближайшей оптике Надежду подняли на смех — дескать, они такую рухлядь и в руки не возьмут, давно пора эту оправу выбросить. Услышав такое из уст Надежды, тетка уперлась, что называется, рогом, высказалась нелицеприятно о работниках оптики, о новых временах, о

людях, которые не берегут вещи, и заодно уж о самой Надежде — мол, не может настоять на своей правоте, отстоять принципы. Тетка-то настоять на своем умела, правда, было это в прошлом. Теперь же она находилась не в лучшей форме, но признавать этого не желала.

В результате Надежда провисела полдня на телефоне в поисках нужной мастерской и нашла ее в центре, где мастер в крохотном подвальном помещении чинил старые оправы. В общем, на все про все ушел целый день, а ведь надо еще будет приехать за заказом.

Оптика притулилась в углу проходного двора. Надежда с тоской вдохнула запахи пригорелой каши, суточных щей и еще чего-то и вовсе недобоваримого, которые доносились из открытых окон, и решительно пересекла двор.

Кованая калитка по причине дневного времени оказалась открыта, и Надежда попала в следующий двор, из которого был выход на улицу. Во дворе было безлюдно — время рабочее, опять же лето, бабушки с внуками на даче. Посредине стояла небольшая детская площадка, в стороне — несколько кустиков и недавно покрашенная лавочка.

Впрочем, была в этом дворе одна ложка дегтя — помойка. Возле двух аккуратных баков, доверху забитых несусветным барахлом, была навалена куча мусора — тряпки, черепки, какие-то деревяшки. И копался в этой куче какой-то бомж не бомж, но мужичок самого потертого вида.

Надежда пожала плечами — что ж, все как всегда. Мети не мети, чисти не чисти, все равно

некультурные жильцы будут кидать мусор прямо на землю, да еще такие вот типы будут его разрывать.

Путь ее, как назло, лежал мимо помойки, и Надежда заранее отвернула голову и задержала дыхание. Бомж в это время как раз потянул на себя обломок мебели, вся куча рухнула на него, и тип чертыхнулся очень знакомым голосом.

Надежда машинально оглянулась и оторопела.

Перед ней стоял ее старинный приятель Игорь. Он был художником. И не просто художником, а очень известным и в России, и за рубежом. Работы Игоря хорошо продавались, на его выставки было не попасть. Он долго жил в Европе, в частности в Германии, говорили даже, что у него там то ли собственная галерея, то ли владелец галереи выставляет только его работы... В общем, как ни крути, Игорь был человеком приличным.

С Надеждой они были знакомы давно и крепко дружили. Правда, в последнее время виделись нечасто, потому что жена Игоря, Галина, когда муж стал богатым и знаменитым, возомнила о себе слишком много.

Надежда-то была женщиной независтливой, однако Галка совершенно изменилась, и попали они однажды в нехорошее приключение, о чем сама Надежда очень не любила вспоминать*.

Сейчас Надежда отказывалась верить своим глазам. Ее ли это приятель, обеспеченный и

* Читайте роман Н. Александровой «Дама в очках, с мобильником, на мотоцикле».

знаменитый, роется в помойке как последний бомж? Да не может быть, у нее глюки! Она моргнула и переступила с ноги на ногу.

Что-то почувствовав, человек оглянулся.

— Игорь! — завопила Надежда. — Кого я вижу?

Он вздрогнул, побледнел и втянул голову в плечи. Потом испуганно посмотрел на нее, и в глазах его Надежда заметила некоторое облегчение.

— Надя, — выдохнул он, — ты что здесь делаешь?

— Нет, это ты что здесь делаешь? Уважаемый человек, а роешься в помойке!

— Да тише ты! — Он боязливо оглянулся. — Можешь не орать на весь район?

— Да что с тобой случилось? — испугалась Надежда. — У тебя неприятности?

— Ага, — усмехнулся Игорь, — полностью разорился, теперь вот бутылки собираю. Ты-то сама как думаешь?

— Не знаю, что и думать, — честно призналась Надежда.

Игорь распрямил спину и посмотрел Надежде в глаза.

— Да все просто, — улыбнулся он, — ищу вот подходящие доски для росписи. Может, хочешь спросить зачем?

Что-то в голосе старого приятеля насторожило Надежду, и она промолчала.

— Вот, — вздохнул Игорь, успокаиваясь, — дожил. Ничего плохого не делаю, а вынужден скрываться, как будто у меня семь жен алименты требуют.

Надежда вспомнила, что когда-то давным-давно была она в мастерской у Игоря, которая располагалась на старом захлабленном чердаке. Единственное, что ей там понравилось, — это большие окна в крыше, из которых открывался потрясающий вид на город.

Игорь показывал ей тогда филенки от старого буфета. Он нарисовал на них сценки из маленького парижского кафе. Это было так здорово, и темное дерево так замечательно подходило к ярким размашистым мазкам... Надежда тогда в который раз с гордостью убедилась, что у ее приятеля настоящий талант. А еще одну дверцу от шкафчика Игорь расписал потрясающими голубыми ирисами. Ту доску сразу купили, он еще жаловался, что даже фотографии не успел сделать.

— Да помню я! — сказала Надежда. — Только думала, что ты этим больше не занимаешься.

— Ага, — криво усмехнулся приятель, — ты думала, что я теперь только гламурные вернисажи устраиваю и в дурацких ток-шоу участвую, да?! Что ломаные доски от старых буфетов к моему нынешнему имиджу не подходят?!

— Ты сказал, не я. — Надежда пожала плечами.

Игорю вовсе незачем было на нее орать, он прекрасно знал, что Надежда к его нынешней известности относится спокойно.

— Извини, — вздохнул приятель, — хочется чего-то настоящего, для себя, поработать в тишине, без всей этой шумихи. Вот хожу, от знакомых скрываюсь. Если кто увидит меня на

помойке, дойдет до Галки — она же меня со свету сживет!

И такая тоска прозвучала в его голосе, что Надеждина рука сама потянулась погладить его по голове. Но она вовремя обуздала свой неуместный порыв.

«С этим не ко мне, — подумала она холодно, — со своей женой сам должен разобраться».

Тут краем глаза она заметила, что к ним приближается темноволосая смуглая женщина в зеленой рабочей форме. Судя по метле и совку, женщина была местным дворником. За женщиной шла такая же смуглая девочка лет семи. В одной руке она сжимала конфету на палочке, в другой — куклу.

— Вы, женщина, что хотели? — спросила дворник нерешительно. — Ищете кого-то?

Надежда увидела себя ее глазами — стоит прилично одетая женщина средних лет возле помойки и доверительно беседует... ну не с бомжом, конечно, но с очень подозрительным мужчиной, явно деклассированным элементом, или, как сейчас говорят, маргиналом. Приличный человек на помойке ведь рыться не станет...

— Да вот, — мстительно сказала Надежда Николаевна, — знакомого встретила.

После таких слов Игорь не мог не вмешаться.

— Уж вы извините, хозяйка, — сказал он примирительно, — что я тут у вас роюсь, только работа моя того требует.

— Что за работа? — Женщина прищурила и без того раскосые глаза. — Ценности, что ли, какие ищете? Так тут ничего нету, можете не

тратить время, все давно обшарили такие же... — Она не стала называть вещи своими именами, постеснялась.

— Мне ценности и не нужны, а нужны от старой мебели дверцы, филенки, — пояснил Игорь.

— Да зачем вам нужна такая рухлядь с жучками? — поразилась дворничиха.

— А я, милая, художник, на них напишу что-нибудь...

— Худо-ожник? — протянула она, с недоверием окидывая взглядом его потертый пиджачок и кепку, надвинутую на глаза.

Игорь взял из кучи мусора кусок старой штукатурки и мигом нарисовал на асфальте девочку. А когда отступил в сторону, стало ясно, что не просто девочку, а дворничихину дочку. Стоит так же, головку наклонила, взгляд любопытный, конфета во рту, а под мышкой кукла болтается — и та тоже похожа.

— Ох! — Дворничиха выронила метлу и в восторге проговорила что-то на незнакомом языке.

— Здорово! — восхитилась Надежда.

— Берите, конечно, все что нужно, — сказала дворничиха, — пока мусор не увезли. У меня ведь всегда порядок во дворе, чисто, это сегодня эти, из семнадцатой квартиры, все вывалили. Я уж сказала им, да куда там! Такого наслушались...

— Да тут и брать нечего, — бормотал Игорь. — Вот не пойму я людей. Если не нужно тебе, так вынеси на помойку аккуратно, зачем же мебель ломать? Может, кому-то еще при-

годится. Тут ведь не иначе как топором кто-то орудовал.

Дворничиха при этих словах издала какой-то странный звук — не то свист, не то всхлип. Игорь, занятый раскопками, ничего не заметил, зато Надежда насторожилась.

— Что там случилось, в семнадцатой квартире? — спросила она вполголоса. И посмотрела на женщину пристально, так что та поняла — от Надежды ей так просто не отвяжаться.

— Так ведь убили жилищу-то из семнадцатой квартиры, — нехотя сказала она.

— Уби-или? — протянула Надежда Николаевна, не сумев скрыть заинтересованности.

Это было не простое обывательское любопытство. Дело в том, что Надежда Николаевна Лебедева, приличная женщина, средних, скажем так, лет, имела необычное хобби. Она не вышивала крестиком, не делала искусственные цветы, не занималась медитативным бегом и не собирала пробки от бутылок. Надежда Николаевна обожала расследовать всевозможные криминальные истории. Причем чем круче был криминал, тем интереснее ей было.

Вначале Надежда занималась этим, стараясь помочь своим друзьям и знакомым. Хоть все они были приличные законопослушные люди, иногда попадали в криминальные ситуации. Не зря народная пословица гласит, что от сумы да от тюрьмы зарекаться не стоит.

Если же все было спокойно, то Надежда отважно пускалась в любую авантюру, вмешиваясь в дела незнакомых людей. Почти все расследования завершались удачно, хотя была и

парочка досадных неудач. Одна из них случилась как раз в прошлом году, когда они с женой Игоря Галиной находились в небольшом городе далеко от Петербурга. Ну, так от неудач никто не застрахован.

Самое сложное заключалось в том, что все эти расследования приходилось проводить тайно, чтобы Надеждин муж Сан Саныч ничего не узнал.

Один раз, только один раз Надежда по глупости все честно ему рассказала. За что и получила по полной программе. Сан Саныч очень любил свою жену и беспокоился за нее, поэтому и запретил заниматься такими вещами, как расследования убийств. Этим должны заниматься профессионалы, утверждал он, это их работа, они рискуют жизнью, зная, на что идут. А вот Надежду до сих пор, конечно, кривая вывозила, но сколь веревочке ни виться, а конец близок. И так далее.

Надежда Николаевна была женщиной неглупой, то есть по определению относилась к тем людям, которые учатся на ошибках (как известно, ошибки - то делают все). И получив один раз полноценный семейный скандал, она взяла себе за правило не рассказывать о своих приключениях мужу. Как говорится, ложь во спасение. Спасение чего-то совершенно конкретного, а именно своей семейной жизни. Надежда тщательно следила, чтобы никто из знакомых не проболтался мужу.

Пару раз бывали, конечно, накладки, тогда ей приходилось нелегко, но в основном муж находился в неведении. Отказаться от своего

хобби Надежда никак не могла, это было сильнее ее.

— Неужели убили? — спросила она. — А когда это было-то?

— Да когда... — дворничиха что-то посчитала на пальцах, — на прошлой неделе. Там, в семнадцатой квартире, жила женщина.

— Пожилая?

— Да не то чтобы сильно пожилая, но одинокая. Никто к ней не ходил, не было у нее ни родственников, ни подруг близких... С соседями опять же никакой дружбы — поздоровается, но в разговор не вступает. Жила тихо, никаких от нее неприятностей... Тут вдруг утром мету я возле подъезда, идет соседка, которая под ней живет... «Безобразие, говорит, такое, всю ночь в семнадцатой квартире шум был, мебель двигали среди ночи, топали, что-то роняли, посуду били. Я уж в батарею стучала, тогда только угомонились». Я еще удивилась — не может быть, там всегда тихо. Ну, вечером та соседка пошла в семнадцатую квартиру ругаться. А дверь не открывают. И на второй день тоже. А на третий опять ей нейдет — там, говорит, так тихо, никогда так раньше не было. Все-таки слышно, как человек шагнет, уронит что-то, дверь скрипнет. А тут — как в гробу. И никто эту, из семнадцатой квартиры, три дня не видел. Ну, думаем, может, уехала куда, как раз ночью шумела, вещи собирала. Бывают же ночные самолеты. А тут собака у жильцов с пятого этажа стала возле семнадцатой квартиры выть. Вызвала я участкового — так, говорю и так. Он еще не хотел ничего делать, потому

как заявления от родственников не поступало. А откуда ему взяться, если нет у нее родственников, говорю?

Надежда незаметно огляделась. Игорь копался с другой стороны, девочка активно ему помогала. Дворничиха перехватила ее взгляд и понизила голос:

— Как вошли мы, так и остолбенели. Я вам честно скажу — страшное дело. Она-то сама в спальне была, меня туда не пустили, не положено. Только участковый говорил — вся изрубленная, кровящи — ужас! А запах я, конечно, чувствовала. И что творилось в другой комнате — это ужас. Вся мебель топором разрублена в щепки, занавески на ленточки порваны, посуда у нее была старинная — все в черепки! Как будто смерч по дому прошел!

— А что полиция-то говорит, кто это ее так?

— Да что говорит? — Дворничиха пожала плечами. — Мы люди маленькие, нам не докладывают. Тут приехала сестра ее двоюродная из-под Вологды. Спрашивают ее — что было у потерпевшей ценного? А она и знать не знает, говорит, что с сестрой давно не общалась, у той, мол, характер был сложный, она родню не любила. В общем, полиция считает, что случай странный. Дверь вроде не взломана, не то она сама открыла, не то отмычкой. Соседке этой досталось, которая снизу живет. Если бы вы, говорят, сразу патруль вызвали, то убийцу бы на месте застали. А вы вместо этого по батарее стучали целый час. Ага, говорит, вас вызовешь, а если там ничего такого, так мне же еще и попало бы...